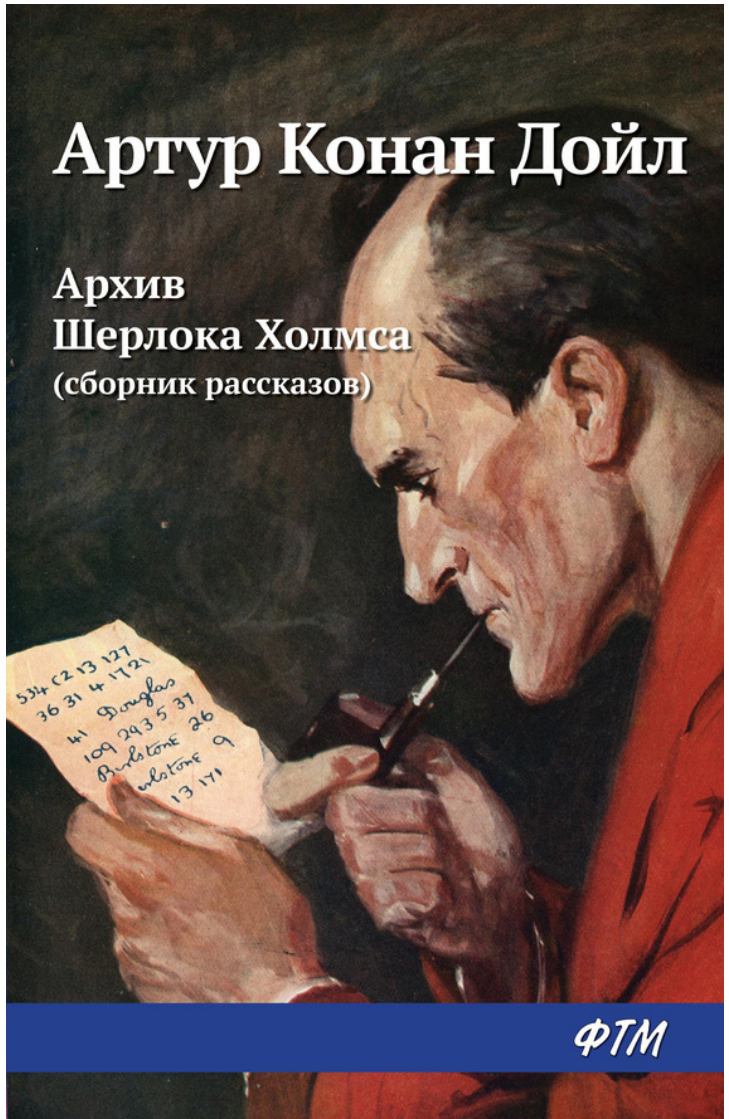

Артур Конан Дойл

Архив
Шерлока Холмса
(сборник рассказов)

534 62 13 127
36 31 4 172
41 Douglas
109 293 5 37
Burlstone 26
Burlstone 9
13 171

ФТМ

Артур Конан Дойл Архив Шерлока Холмса (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19531486

Архив Шерлока Холмса (сборник): ФТМ; Москва; 2016

ISBN 978-5-4467-2800-8

Аннотация

Английский писатель, публицист и журналист Артур Конан Дойл вошел в мировую литературу как создатель самого Великого Сыщика всех времен и народов – Шерлока Холмса. Благородный и бесстрашный борец со злом, обладатель острого ума и необыкновенной наблюдательности, с помощью своего знаменитого дедуктивного метода сыщик решает самые запутанные головоломки, зачастую спасая этим человеческие жизни. Он гениально перевоплощается, обладает актерским даром и умеет поставить эффектную точку в конце каждого блестяще проведенного им расследования.

Содержание

Человек на четвереньках	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Артур Конан Дойл

Архив Шерлока Холмса

Человек на четвереньках

Перевод М. Кан

Мистер Шерлок Холмс всегда придерживался того мнения, что мне следует опубликовать поразительные факты, связанные с делом профессора Пресбери, для того хотя бы, чтобы раз и навсегда положить конец темным слухам, которые лет двадцать назад всколыхнули университет и до сих пор повторялись на все лады в лондонских научных кругах. По тем или иным причинам, однако, я был долго лишен такой возможности, и подлинная история этого любопытного происшествия так и оставалась погребенной на дне сейфа вместе с многими и многими записями о приключениях моего друга. И вот мы, наконец, получили разрешение предать гласности обстоятельства этого дела, одного из самых последних, которые расследовал Холмс перед тем, как оставить практику. Но и теперь еще, делая их достоянием широкой публики, приходится соблюдать известную сдержанность и осмотрительность.

Как-то воскресным вечером, в начале сентября 1903 года, я получил от Холмса характерное для него лаконическое послание: *«Сейчас же приходите, если можете. Если не можете, приходите все равно. Ш. Х.»*.

У нас с ним в ту пору установились довольно своеобразные отношения. Он был человек привычек, привычек прочных и глубоко укоренившихся, и одной из них стал я. Я был где-то в одном ряду с его скрипкой, крепким табаком, его дочерна обкуренной трубкой, справочниками и другими, быть может, более предосудительными привычками. Там, где речь шла об активных действиях и ему нужен был товарищ, на выдержку которого можно более или менее спокойно положиться, моя роль была очевидна. Но для меня находилось и другое применение: на мне он оттачивал свой ум, я как бы подстегивал его мысль. Он любил думать вслух в моем присутствии. Едва ли можно сказать, что его рассуждения были адресованы мне — многие из них могли бы с не меньшим успехом быть обращены к его кровати, — и тем не менее, сделав меня своей привычкой, он стал ощущать известную потребность в том, чтобы я слушал его и вставлял свои замечания. Вероятно, его раздражали неторопливость и обстоятельность моего мышления, но оттого лишь ярче и стремительней вспыхивали догадки и заключения в его собственном мозгу. Такова была моя скромная роль в нашем дружеском союзе.

Прибыв на Бейкер-стрит, я застал его в глубоком разду-

мье: он сидел в своем кресле, нахохлившись, высоко подняв колени, и хмурился, посасывая трубку. Ясно было, что он поглощен какой-то сложной проблемой. Он знаком пригласил меня сесть в мое старое кресло и в течение получаса ничем более не обнаруживал, что замечает мое присутствие. Затем он вдруг встряхнулся, словно сбрасывая с себя задумчивость, и с обычной своей иронической улыбкой сказал, что рад вновь приветствовать меня в доме, который когда-то был и моим.

– Надеюсь, вы извините мне некоторую рассеянность, милый Уотсон, – продолжал он. – За последние сутки мне сообщили довольно любопытные факты, которые, в свою очередь, дали пищу для размышлений более общего характера. Я серьезно подумываю написать небольшую монографию о пользе собак в сыскной работе.

– Но позвольте, Холмс, что же тут нового? – возразил я. – Ищейки, например...

– Нет-нет, Уотсон, эта сторона вопроса, разумеется, очевидна. Но есть и другая, куда более тонкая. Вы помните, быть может, как в том случае, который вы в вашей сенсационной манере связали с Медными буками, я смог, наблюдая за душевным складом ребенка, вывести заключение о преступных наклонностях его в высшей степени солидного и положительного родителя?

– Да, превосходно помню.

– Подобным же образом строится и ход моих рассуждений

о собаках. В собаке как бы отражается дух, который царит в семье. Видели вы когда-нибудь игривого пса в мрачном семействе или понурого в счастливом? У злобных людей злые собаки, опасен хозяин – опасен и пес. Даже смена их настроений может отражать смену настроений у людей.

Я покачал головой.

– Полноте, Холмс, это уж чуточку притянута за волосы.

Он набил трубку и снова уселся в кресло, пропустив мои слова мимо ушей.

– Практическое применение того, о чем я сейчас говорил, самым тесным образом связано с проблемой, которую я исследую в настоящее время. Это, понимаете ли, запутанный клубок, и я ищу свободный конец, чтобы ухватиться и распутать всю веревочку. Одна из возможностей найти его лежит в ответе на вопрос: отчего овчарка профессора Пресбери, верный пес по кличке Рой, норовит искушать хозяина?

Я разочарованно откинулся на спинку кресла: и по такому пустяку меня оторвали от работы? Холмс метнул на меня быстрый взгляд.

– Все тот же старый Уотсон! – произнес он. – Как вы не научитесь понимать, что в основе серьезнейших выводов порой лежат сущие мелочи! Вот посудите сами: не странно ли, когда степенного, пожилого мудреца... вы ведь слышали, конечно, про знаменитого Пресбери, физиолога из Кэмфорда? Так вот, не странно ли, когда такого человека дважды пытаются искушать его собственная овчарка, которая всегда была

ему самым верным другом? Как вы это объясните?

– Собака больна, и только.

– Что ж, резонное соображение. Но она больше ни на кого не кидается, да и хозяина, судя по всему, не трогает, кроме как в совершенно особых случаях. Любопытно, Уотсон, весьма любопытно. Но вот и звонок – видно, молодой Беннет явился раньше времени. Я рассчитывал потолковать с вами подольше, до того как он придет.

На лестнице послышались быстрые шаги, в дверь отрывисто постучали, и секунду спустя новый клиент Холмса уже стоял перед нами.

Это был высокий, красивый молодой человек лет тридцати, со вкусом одетый, элегантный, впрочем, что-то в его манере держаться выдавало скорей застенчивость ученого, чем самоуверенность светского человека. Он обменялся рукопожатием с Холмсом и затем чуть растерянно взглянул на меня.

– Дело это очень щепетильное, мистер Холмс, – сказал он. – Не забудьте, какими отношениями я связан с профессором Пресбери – как в личной жизни, так и по службе. Я решительно не считаю себя вправе вести разговор в присутствии третьего лица.

– Не бойтесь, мистер Беннет. Доктор Уотсон – сама деликатность, а кроме того, смею вас уверить, что в таком деле мне, вероятнее всего, потребуется помощник.

– Как вам будет угодно, мистер Холмс. Вы, несомненно,

поймете, отчего я несколько сдержан в этом вопросе.

– Поймете и вы, Уотсон, когда я скажу, что этот джентльмен, мистер Джон Беннет, работает у профессора ассистентом, живет с ним под одной крышей и помолвлен с его единственной дочерью. Нельзя не согласиться, что знаменитый ученый имеет все основания рассчитывать на его преданность. Но, пожалуй, лучший способ ее доказать – принять все меры к тому, чтобы раскрыть эту удивительную тайну.

– И я так полагаю, мистер Холмс. Я только этого и добиваюсь. Известно ли доктору Уотсону положение вещей?

– Я не успел познакомить его с обстановкой.

– Тогда, быть может, мне стоит еще раз изложить основные факты, прежде чем говорить о том, что произошло нового?

– Я лучше сам, – сказал Холмс. – Кстати, проверим, правильно ли я запомнил последовательность событий. Итак, Уотсон. Профессор – человек с европейским именем. В его жизни главное место всегда занимала наука. Репутация его безупречна. Он вдовец, у него есть дочь по имени Эдит. Характер у него, насколько я мог заключить, решительный и властный, пожалуй, можно даже сказать, воинственный. Так обстояли дела до последнего времени.

Но вот каких-нибудь несколько месяцев назад привычное течение его жизни было нарушено. Несмотря на свой возраст – а профессору шестьдесят один год, – он сделал предложение дочери профессора Морфи, своего коллеги по ка-

федре сравнительной анатомии, причем все это, как я понимаю, больше напоминало не рассудочное ухаживание пожилого человека, а пламенную страсть юноши. Никто не мог бы выказать себя более пылким влюбленным. Элис Морфи, молодая особа, о которой идет речь, — девица весьма достойная, умна и хороша собой, так что увлечение профессора вполне понятно. Тем не менее в его собственной семье к этому отнеслись не слишком одобрительно.

— Нам показалось, что все это немножко слишком, — вставил наш клиент.

— Вот именно. Немножко слишком бурно и не совсем естественно. А между тем профессор Пресбери — человек состоятельный, и со стороны отца его нареченной возражений не возникло. У дочери, правда, были другие виды: на ее руку уже имелись претенденты, быть может, не столь завидные с житейской точки зрения, зато более подходящие ей по возрасту. Профессор, несмотря на свою эксцентричность, судя по всему, нравился ей. Мешало только одно: возраст.

Примерно в это время в налаженной жизни профессора произошло не совсем понятное событие. Он совершил нечто такое, чего никогда не делал прежде: уехал из дому и никому не сказал куда. Пробыв в отсутствии две недели, он воротился утомленный, словно после долгой дороги. О том, где он побывал, он не обмолвился ни словом, хотя обычно это был предельно откровенный человек.

Случилось так, однако, что наш с вами клиент, мистер

Беннет, получил письмо из Праги от одного своего коллеги; тот писал, что имел удовольствие видеть профессора Пресбери, хотя поговорить им не довелось. Только так домашние узнали, где он был.

Теперь я подхожу к главному. Начиная с этого времени с профессором произошла удивительная перемена. Окружающих не оставляло чувство, что перед ними не тот, кого они знали прежде: на него словно нашло какое-то затмение, подавившее в нем все высокие начала. Интеллект его, впрочем, не пострадал. Его лекции были блистательны, как всегда. Но в нем самом постоянно чувствовалось что-то новое, что-то недоброе и неожиданное. Его дочь, которая души в нем не чает, всячески пыталась наладить с ним прежние отношения, заглянуть под маску, которую он надел на себя. Вы, сэр, как я понимаю, со своей стороны, делали то же самое, но тщетно. А теперь, мистер Беннет, расскажите нам сами про эпизод с письмами.

— Надо вам сказать, доктор Уотсон, что у профессора не было от меня секретов. Будь я ему сын или младший брат, я и тогда не мог бы пользоваться большим доверием. Ко мне, как его секретарю, попадали все поступавшие на его имя бумага; я вскрывал и разбирал его письма. Вскоре по его возвращении все это изменилось. Он сказал, что, возможно, будет получать письма из Лондона, помеченные крестиком под маркой. Эти письма мне надлежало откладывать, а читать их будет только он сам. И действительно, несколько та-

ких писем прошло через мои руки; на каждом был лондонский штемпель, и надписаны они были почерком малограмотного человека. Быть может, профессор и отвечал на них, но ни ко мне, ни в корзинку, куда складывается вся наша корреспонденция, они не попадали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.